УДК 343.231
DOI 10.18822/byusu20240216-23

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ СУЩНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Хилюта Вадим Владимирович
доктор юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики,
Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы
Гродно, Беларусь
E-mail: tajna@tut.by

Предмет исследования: в статье рассматривается вопрос о сущности административной преюдиции в уголовном праве России и Беларуси.

Цель исследования: определить значение административной преюдиции в уголовном праве и ее место в структуре состава преступления, а также провести соотнесение административной преюдиции и иных институтов уголовного права.

Методы и объекты исследования: при проведении исследования использовались традиционные методы социально-правового и формально-догматического анализа: документальный, историко-правовой, аналитический, системный, логический.

Основные результаты исследования: административная преюдиция автором рассматривается в общем контексте преступления и его содержательных признаков, определяется место административной преюдиции в структуре состава преступления. Отдельно раскрывается вопрос о критериях криминализации деяний в уголовном праве, понимании уголовного права в широком смысле, разграничении преступления и правонарушения. Показана правовая природа административной преюдиции, ее связь с общественной опасностью и малозначительностью деяния, раскрываются основные черты деяний, которым свойственны признаки административной преюдиции. Особое внимание в работе уделяется анализу субъективных признаков административной преюдиции, установлению рекомендаций по применению норм уголовного закона в этой части и квалификации противоправных деяний. Приводятся основные положения науки уголовного права и предлагаются конкретные меры по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: преступление, общественная опасность, вред, административная преюдиция, малозначительность деяния, личность, деяние, деятель, ответственность.

THEORETICAL PROBLEMS OF UNDERSTANDING THE ESSENCE OF ADMINISTRATIVE PREJUDICE IN CRIMINAL LAW

Vadim V. Khilyuta
Doctor of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminalistics,
Yanka Kupala State University,
Grodno, Belarus
E-mail: tajna@tut.by

Subject of research: the article considers the issue of the essence of administrative prejudice in the criminal law of Russia and Belarus.

Purpose of research: to determine the meaning of administrative prejudice in criminal law and its place in the structure of the corpus delicti of a crime, as well as to correlate administrative prejudice and other institutes of criminal law.

Methods and objects of research: in conducting the research the traditional methods of socio-legal and formal-dogmatic analysis were used: documentary, historical-legal, analytical, systematic, logical.

Main results of research: the author considers administrative prejudice in the general context of crime and its substantive features, determines the place of administrative prejudice in the structure of the corpus delicti. Separately the question of criteria of criminalization of acts in criminal law, understanding of criminal law in a broad sense, differentiation of crime and offense is revealed. The legal nature of administrative prejudice, its connection with public danger and insignificance of a deed is shown, the main features of acts, which are characterized by signs of administrative prejudice, are disclosed. Special attention in the work is paid to the analysis of subjective signs of administrative prejudice, the establishment of recommendations on the application of the norms of criminal law in this part and qualification of unlawful acts. The basic provisions of the science of criminal law are given and specific measures to improve the current criminal legislation are proposed.

Keywords: crime, public danger, harm, administrative prejudice, insignificance of a deed, personality, act, activity, responsibility.

ВВЕДЕНИЕ

Парадигмальная концепция сегодняшнего мира, развивая новые формы совершенствования общества, между тем, находится между двух дихотомий – неолиберализма и консерватизма. Понятно, что либеральная модель старается низвергнуть государство, отодвинуть его на второй план, вынося на первый рынок и его саморегулирование. Здесь процесс саморегуляции является главной доминантой во всех сферах общественной жизни и во всех отношениях, включая право. Это обусловлено плюрализмом взглядов и идей, постмодернистской методологией проведения научных исследований и разработкой основ тотального реформирования законодательства. Данные тенденции характерны и для продолжающего сохранять свою консервативность уголовного права [1, с. 87-88]. Но при этом государство в последнее время все прочнее становится на путь обеспечения безопасности. Идея безопасности общества и самого государства требует ревизии правовых средств реализации этой идеи. И уголовное право здесь является надлежащим средством обеспечения данного постулата.

При этом нельзя не замечать того, что если современное государство продолжает

держать уголовное право в своих руках, то идеология неолиберализма стремится к диверсификации этого процесса, потому как государство не должно выступать той скрепой, которое бы удерживало общество и сохраняло монополию на насилие, управляя процессом определения того, что есть преступление, и выбора мер воздействия на лицо, допустившее отступление от соблюдения установленных правил и выход за «пределы закона».

Однако глобальная смена существующих парадигм пока еще не наступила, но уже сегодня отчетливо видны определенные тенденции и закономерности развития уголовного права в процессе перекраивания основ обеспечения безопасности государства и общества. Вот здесь и возникает вопрос о роли уголовного права при смене концепции общественного развития, перехода к новому информационному обществу. А именно, – будет ли оно (уголовное право) оставаться публичной отраслью, или начнет вбирать в себя диспозитивные элементы и частноправовые начала? При такой постановке вопроса фундаментальный признак преступления для постсоветских стран – общественная опасность – больше не будет диктовать формирование сущности и содержания центрального института для уголовного права – преступления, и определять формы развития уголовного права.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

По сути говоря, общественная опасность – это, в некоторой степени, идеология проявления марксистских идей в уголовном праве, как и отношения собственности у нас – это марксистская идея материальности или присвоения вещи. Но если мы говорим об общественной опасности причинения вреда (или угрозе его причинения) социальным ценностям, то непременно возникает другой вопрос: кому (или чему) в таком случае причиняется вред, и существует ли угроза его причинения вообще общественным отношениям? Но в основе таких общественных отношений лежат диаметрально противоположные интересы различных субъектов, и вполне понятно, что если мы разрываем эти отношения и начинаем их делить, то во главе лежит идея плюрализма уголовно-правовой охраны общественных отношений нетождественных социальных групп, классов, коллективных образований и т. д. Вполне понятно, что в этой ситуации акцент не просто смещается с публичной в частную сферу, а указывает на фундаментальный уход в сторону: от единого концепта разрешения уголовно-правовых конфликтов и передачи данной функции иным публично-корпоративным образованиям. А в таком случае и понятие того, что представляет собой преступление, должно быть пересмотрено.

Тем не менее, по сути своей, сегодня именно административная преюдиция явилась катализатором к процессу диверсификации родового понятия «преступление». Дело в том, что если мы административную преюдицию отождествляем не с деянием, а непременно с самой личностью, т. е. с деятелем, то вопрос о понимании общественной опасности становится второстепенным, т. к. общественная опасность тогда не предопределяет контуры самого понятия преступления, а связывается уже даже не с деянием, а с общественной опасностью лица, совершившего это противоправное деяние. В таком случае преступление ассоциируется исключительно с противоправным поведением. В этой системе координат возникает потребность четко развести по разные стороны деяние и деятеля, но при этом необходимо решить проблему самого деяния, действительно ли оно будет являться центральным в конструкте преступления, или же акцент будет постепенно смещаться в сторону самого лица, совершившего противоправное деяние.

Решение данных глобальных проблем невозможно осуществить без преодоления частных вопросов. К числу таковых и относится институт административной преюдиции в уголовном праве. Постижение сущности административной преюдиции, определение того, какое место она занимает в структуре преступления (является объективным или же субъективным признаком) и уголовной ответственности (входит ли в понятие состава преступления и одного из его элементов или же является самостоятельным условием уголовной ответственности), полагаем, поможет нам дальше продвинуться в общем вопросе о том, что же сегодня представляет собой родовое понятие преступления, и каковы закономерности его развития в будущем. Будем ли мы, в конечном счете, иметь дело с уголовным правом нового типа – правом безопасности, в основе которого лежат идеи социальной защиты и превенции, или же останемся в лоне классических основ уголовного права?

В этой связи нельзя не видеть того, что сегодня уголовное право, целью которого в классическом понимании должно быть восстановление социальной справедливости, подменяется уголовным правом безопасности, и в данной системе уголовное право рассматривается как инструмент решения сиюминутных задач. Таким же принципам подвергнуты в настоящее время и институты

самого уголовного права. По этой причине и возникает вопрос: административная преюдиция – это очередной инструмент для разрешения существующих проблем или же новое средство борьбы с преступностью?

В такой системе координат становится понятным суждение о том, что феномен административной преюдиции (о котором пойдет речь далее) полностью находится в контексте проводимой уголовно-правовой политики, которая ставит своей главной задачей тотальный контроль над отклоняющимся поведением от заданных государством стандартов. В этом аспекте идея раннего вмешательства в поведение людей и пресечения нежелательных будущих негативных последствий становится оправданной и вполне допустимой в русле проводимой правовой политики. Поэтому сегодня институт административной преюдиции является одним из средств ограничения негативного поведения человека. Относиться к этому можно по-разному, но данность в настоящий момент именно такова.

По нашему мнению, если мы все-таки придерживаемся целостной концепции правовой природы административной преюдиции и связываем ее исключительно с личностью, его общественной опасностью, а не опасностью самого деяния, вполне понятно, что административная преюдиция – это специальный признак субъекта преступления. Кратность совершения тождественных или аналогичных действий (деяния в широком смысле) повышают градус общественной опасности не самого деяния (поскольку его суть остается неизменной, сколько бы раз оно не совершалось), а лица, его учинившего. Поэтому административная преюдиция – это специальный признак субъекта преступления в уголовном праве.

Вообще, если мы говорим о личности преступника, то нельзя безоговорочно утверждать, что в таком случае речь идет исключительно о теории опасного состояния лица (личности). Действующий уголовный закон знает немало примеров того, когда именно свойства личности учитываются для решения вопроса о привлечении к уголовной ответственности или ее дифференциации. Взять хотя бы нормы о специальном субъекте преступления, рецидиве и т. д. Все они связаны не с опасностью деяния как такового, а с лицом, которое совершает это деяние, степенью его опасности.

Безусловно, в настоящее время законодательное определение преступления не содержит указания на то, кто является субъектом преступления. Может ли таковым являться исключительно физическое лицо либо в качестве субъекта преступления (или субъекта уголовной ответственности) следует признавать юридическое лицо, а равно – иные электронные и технологические образования (речь идет об искусственном интеллекте)? Возникает еще один вопрос: почему в определении преступления нет указания на его субъект, а присутствует указание на виновность? Ведь осознание, воля и т. д. присущи лицу, которое совершает преступление. Не могут данные объективные и субъективные признаки существовать сами по себе без его носителя – человека, который и совершает непосредственно преступление.

Тем не менее, если мы ведем речь о структуре преступления, которая должна отражать все его элементы, то непременно встает вопрос о деятеле, учиняющем деяние. Понятно, что без деятеля преступления не может быть. Деяние так и может оказаться «голым» без лица, которое осуществляет непосредственно само посягательство. Этот вопрос является актуальным не просто потому, что речь здесь должна идти о субъекте преступления и признаках, которые его характеризуют, вменяемости или невменяемости лица и т. д., но и об особых свойствах субъекта, его специальных признаках, в том числе, и об административной преюдиции, рецидиве преступления, которые больше характеризуют не деяние как таковое (оно не меняется в данном случае), а опасность лица, его совершающего. Данный вопрос еще актуален и по той причине, что проблема лица, совершающего деяние, прямым образом связана с институтом соучастия, поскольку речь идет не об одном лице, а о множестве лиц, совершающих опасное посягательство, которое мы и именуем преступлением.

Таким образом, административная преюдиция сегодня связывается с предшествующим противоправным поведением физического лица. Именно поведение лица предопределяет качественный переход проступка в преступление, и при определении основания уголовной ответственности предлагается обращать внимание на источник причинения вреда, то есть личность виновного. В такой парадигме каждый акт человека рассматривается как продуцирующий, как показатель общественной опасности лица, его устойчивых негативных установок. Иначе говоря, общественную опасность деяния предлагается выводить в том числе из общественной опасности самой личности, совершающей такое деяние [2, с. 16, 24].

В аспекте всего вышеизложенного становится очевидным, что административная преюдиция имеет массу сходств с таким

понятием, как рецидив преступления и повторность (неоднократность) преступления. Но главный момент здесь заключается в том, что административная преюдиция, как и рецидив, а также повторность, характеризуют не само деяние лица, а его общественную опасность. Именно общественную опасность личности (деятеля), а не деяния.

Поэтому в данном случае правильнее было бы говорить о самом противоправном поведении человека, поскольку поведение отражает не просто «голое» деяние субъекта преступления, а органично включает в себя его объективные и субъективные элементы. Следовательно, само понятие «общественная опасность» больше применимо к личности, нежели к деянию. В таком случае и административная преюдиция, и рецидив, и повторность (неоднократность) указывают на то, что опасно не деяние, совершаемое таким лицом (это деяние так и продолжает оставаться таковым), а сама личность, его учинившая. И представляется, что принципиальных различий в этих понятиях нет.

Сказанное еще раз подтверждает тезис о том, что административная преюдиция характеризует только личность субъекта, совершившего неоднократно одно и то же правонарушение, в связи с чем речь может идти только об общественной опасности лица, а не деяния как такового, раз административные меры предупреждения в отношении этого лица оказались неэффективными и не привели к должному результату.

Рассмотрение поставленной проблемы в таком ракурсе указывает на то, что повторность (как и неоднократность, а также рецидив) вряд ли может относиться к виду множественности преступлений. Само по себе деяние человека при повторном его совершении не меняется, оно остается таким же, как и было [3, с. 62]. В основе повторности лежит представление об общественно опасном поведении человека. Если, например, человек совершает разбой во второй, третий и т. д. раз, то второй (третий) разбой не меняется в своей сущности, и второй акт разбоя отнюдь не опаснее первого. Напротив, с точки зрения социальной действительности, второй акт разбоя может быть менее опасен первого акта. Допустим, если в первом случае лицо совершает разбойное нападение с применением насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, а во второй раз лишь угрожает применением такого насилия в отношении потерпевшего. В первом случае имеет место реально причиненный физический вред, а во втором случае – такой вред отсутствует, имеется лишь угроза причинения такого вреда, которая менее опасна. Но, согласно действующего законодательства (например, Республики Беларусь), второе деяние должно наказываться более строго, потому как имеет место повторное совершение разбоя (или может иметь место рецидив преступления).

Но понятно и то, что не общественная опасность деяния здесь предопределяет такую квалификацию и, в конечном счете, ответственность возрастает, а само лицо выступает в качестве знаменателя повышенной уголовной ответственности. Именно общественная опасность самого деятеля делает совершенное им второе по счету преступление более опасным. Следовательно, повторность, как и рецидив, характеризуют не само деяние, не совокупность повторяющихся однородных или тождественных признаков, а общественную опасность лица (деятеля), т. е. субъекта преступления. В данном случае опасно не само деяние (еще раз обратим внимание: его суть не меняется при кратном совершении актов), а человек, его совершивший. Другими словами, если физическое лицо пренебрегает установленными в обществе правилами поведения и не единожды повторяет одно и то же деяние, то мы вынуждены вести разговор об опасности такого лица, а не кратности его актов негативного поведения.

Таким образом, административная преюдиция основана не на автоматическом сложении однородных поступков, а на оценке противоправного поведения конкретной личности. То есть в таком случае общественная опасность – это показатель не деяния, а измеритель личности, насколько его деятельность представляет угрозу для охраняемых социальных ценностей. Поэтому «поведение, слагаясь из предшествующих непреступных деяний, указывает на лицо, обнаруживающее устойчивую противоправную установку и в силу этого требующее применения к ней мер уголовно-правового воздействия» [2, с. 33]. В этом качестве «поведение» представляет собой целостное социально значимое описание личности.

Нельзя не обратить внимание в этой связи, что вопрос о включении административной преюдиции в уголовный закон поставил на новый уровень проблему криминализации общественных отношений. Здесь, главным образом, проблема состоит в том, на каком основании и каким образом законодатель решает дилемму о включении административной преюдиции в лоно уголовного права. Иначе говоря, можем ли сегодня выявить некие закономерности, обсуждая которые, можно было бы вести речь о том, что то или иное правонарушение на определенном

этапе перестает быть таковым, и ввиду кратности определенных действий опасным становится лицо, неоднократно совершающее некое деяние, вследствие чего повторное его совершение должно образовывать уже именно преступление, а не правонарушение. По этой причине некоторые исследователи задаются риторическим вопросом: «обладают ли административные правонарушения, составляющие конструкт административной преюдиции, признаком общественной опасности в ее классическом понимании» [4, с. 96]?

Ведь если обратиться к тексту административного закона (например, КоАП РБ или же КоАП РФ), то мы увидим, что в ряде случаев повторность является квалифицирующим обстоятельством множества административных правонарушений. Однако в данном случае, сколько бы раз (повторно) не совершалось определенное административное правонарушение, оно все равно остается правонарушением, и общественная опасность лица, его совершающего, также находится в рамках административно-деликтного законодательства, но не уголовного. То есть, можно сказать, что кратность действий не повышают градус общественной опасности личности.

Вот здесь и возникает главный вопрос: есть какие-либо на сей счет критерии превращения правонарушения в преступление, и каким образом, по каким основаниям происходит отнесение того или иного деяния в разряд преступлений с признаками административной преюдиции [5, с. 48; 6, с. 33]. Рассматриваемую проблему можно ставить и иным образом, но ответ всегда будет состоять в том, что таких правил (критериев, признаков) нет, и речь нужно вести сугубо в аспекте целесообразности и значимости тех ценностей, которые подвергаются воздействию и существенности (значительности) того вреда, который может быть причинен в результате их поражения. Не более того. И если утвердительно отвечать на поставленный нами вопрос, то мы увидим, что правил превращения правонарушения в преступление с учетом опасности самого лица, совершившего изначально правонарушение, нет. В таком случае речь идет сугубо о конъюнктурной ситуации и важности тех задач, которые стоят перед государством при реализации проводимой им политики в сфере публичной деятельности и обеспечения безопасности государства и общества. Как бы это кому не нравилось, но это факт, с которым приходиться считаться. Поэтому вопрос о криминализации здесь не второстепенен.

По этой причине нередко утверждается, что криминализация преюдирующих преступлений осуществляется на основании оценки общественной опасности личности правонарушителя, в связи с повторным фактом совершения правонарушений каждый из которых обладает самостоятельным материальным содержанием, а предшествующее деяние – не предопределяет и не прибавляет данное материальное содержание к общественной опасности преюдирующего преступления [2, с. 98]. Тем не менее, порой трудно объяснить, какими мотивами руководствуется российский законодатель, устанавливая двукратную или трехкратную преюдицию, различные временные ее сроки и т. п.

Одним из центральных вопросов в определении сущности административной преюдиции является соотнесение данного понятия с иными уголовно-правовыми институтами. В этой связи крайне актуальной выглядит дилемма административной преюдиции и малозначительности деяния. Заметим, что эта проблема решается по-разному в правоприменительной практике, и, более того, – на законодательном уровне различных государств. Хотя здесь все же следует отметить, что чаще всего сам уголовный закон не дает прямых оснований для однозначного вывода по поставленной проблеме.

Итак, вопрос заключается в следующем: может ли деяние быть признано малозначительным в случае, когда лицо привлекается к уголовной ответственности при совершении им преступления с признаками административной преюдиции? С одной стороны, законодательство не предусматривает таких ограничений (запретов). Но, с другой стороны, если лицо ранее привлекалось к административной ответственности и вновь допускает такое же правонарушение, за которое его уже привлекают к уголовной ответственности, то при наличии факта осознания лицом совершенного противоправного деяния с признаками административной преюдиции (и когда уже лицо наказывалось за аналогичное деяние в административном порядке), то можно ли допустить, что в таком случае может иметь место малозначительность деяния?

Как полагает в этой связи Ю. Е. Пудовочкин, решающим фактором признания деяния малозначительным должен стать объем и тяжесть вреда, причиненного объекту уголовно-правовой охраны, поскольку вред причиняется в любом случае при совершении преступления, вне зависимости от того, сконструирован ли состав этого преступления по типу формального или материального. Поэтому в ситуации уклонения от уплаты алиментов о малозначительности может

свидетельствовать, например, непродолжительность срока уклонения, небольшая сумма задолженности, невысокая ценность алиментных платежей для обеспечения интересов несовершеннолетнего ребенка. В ситуациях мелкого хищения, продажи алкогольной продукции, в том числе, и несовершеннолетним, будет иметь значение сумма реализованной продукции, ее вид, качество и количество, возраст несовершеннолетнего. Для ситуаций уклонения от административного надзора – вид и тяжесть нарушения возложенных ограничений, особенности правонарушения, сопряженного с таким нарушением и т. д. То есть все сводится к тому, что малозначительность – это вопрос факта, и главная задача здесь состоит в том, чтобы принципиально признать саму возможность совершения деяния, содержащего состав преступления с административной преюдицией, малозначительным [7, с. 80-88].

В качестве аргумента «против» признания малозначительности при совершении преступления с административной преюдицией обычно ссылаются на то, что несущественная степень общественной опасности, которая присуща малозначительности, не свойственна деяниям с признаками административной преюдиции. И если мы говорим о том, что административная преюдиция – это признак специального субъекта, то положения о малозначительности здесь неприменимы [8, с. 41]. В этом и заключается некий парадокс, т. к. «правило малозначительности нельзя применять к преступлению, объективные составные части которого не являются и не могут являться сами по себе общественно опасными деяниями» [4, с. 109].

Представляется, что при соотнесении административной преюдиции с малозначительностью деяния мы изначально исходим из критериев, которые несопоставимы. Если мы действительно сегодня административную преюдицию сопоставляем исключительно с признаками субъекта преступления (специального субъекта преступления) и говорим в этом случае об опасности самого лица, а не деяния как такового, то в случае с малозначительностью деяния ситуация обстоят совсем иным образом. В существующей парадигме малозначительность связывается исключительно с самим деянием, его общественной опасностью. Если характер и степень общественной опасности деяния крайне невелики, то отсутствует преступление как таковое.

Выходит тогда, что в этой ситуации мы вынуждены сравнивать несопоставимые составляющие – общественную опасность деяния (при малозначительности) и общественную опасность личности (при административной преюдиции). Очевидно, что в таком случае общественная опасность личности не может предопределить несущественный (незначительный) характер самого деяния, для того чтобы можно было сделать вывод о наличии малозначительности.

Косвенное тому подтверждение мы можем найти в самом административном законодательстве. Например, в ч. 3 ст. 8.2 КоАП РБ сказано, что лицо нельзя освободить от административной ответственности по причине признания деяния малозначительным в случае, «если повторное совершение административного правонарушения влечет уголовную ответственность». То есть малозначительность правонарушения отсутствует, если лицо повторно совершает административное правонарушение, за которое уже наступает уголовная ответственность. Понятно, что в такой ситуации не привлекать лицо к уголовной ответственности (при этом констатировать наличие признаков малозначительного деяния), а допустить, что имеет место малозначительность, и тем самым лицо снова привлечь к административной ответственности – абсурдно, и выглядит крайне бессмысленно. Ведь если повторное совершение деяния влечет уголовную ответственность, а лицо все равно не привлекается к уголовной ответственности, а опять же на него налагаются меры административного взыскания, то возникает вопрос о целесообразности таких конструкций. Ведь в таком случае теряется сама суть ответственности и установленных запретов, как и правил их реализации. В подобных случаях приемлемо все же не вести речь о малозначительности деяния, а ставить вопрос об освобождении лица от уголовной ответственности, и то, только тогда, когда есть соответствующие основания. Не случайно по этом поводу в ч. 3 ст. 86 УК РБ сказано, что «освобождение от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности не применяется к лицу, совершившему преступление, предусмотренное содержащей административную преюдицию статьей Особенной части УК». Представляется, что это положение нельзя не учитывать.

Некоторые правоведы в этой связи пытаются общественную опасность деяния определить крайне широко, через общественную опасность личности, отождествить деяние с деятелем посредством многовариантного толкования признака преступления – общественной опасности деяния [9, с. 367-368]. Однако, полагаем, в сегодняшних условиях

это выглядит как крайняя (и безвыходная) мера. Безусловно, можно, с определенными оговорками и допущениями, говорить о том, что общественная опасность деяния включает в себя и личность. Но представляется, такой подход применительно к малозначительности вскрывает всю подноготную несостоятельность учения об общественной опасности деяния. В такой ситуации деяние приравнивается к личности, и непонятно, когда тогда эти понятия сходятся, а когда – различаются между собой.

Тем не менее, в определенной степени можно согласиться с утверждением о том, что малозначительность может иметь место и в случае, когда лицо совершает противоправное деяние с признаками административной преюдиции. Теоретически, это возможно. Но тогда возникает проблема. Если мы, условно говоря, признаем совершенное деяние с признаками административной преюдиции малозначительным, то тогда вопрос о привлечении лица к административной ответственности может и не стоять вообще (это наглядно видно на примере российского законодательства). Получается парадоксальная ситуация. Опасность лица увеличивается по причине неоднократного нарушения им административно-деликтного законодательства, а ответственность при этом может и не наступать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Итак, феномен административной преюдиции и его отражение в уголовном законе полностью находится в контексте проводимой уголовно-правовой политики, которая ставит своей главной задачей тотальный контроль над отклоняющимся поведением от заданных государством стандартов. В этом аспекте идея раннего вмешательства в поведение людей и пресечения нежелательных будущих негативных последствий становится оправданной и вполне допустимой в русле проводимой правовой политики государством. Поэтому сегодня институт административной преюдиции является одним из средств ограничения негативного поведения человека. Относиться к этому можно по-разному, но данность в настоящий момент именно такова.

Административная преюдиция представляет собой законодательный прием преобразования правонарушения в преступление, когда повторное совершение административного правонарушения трансформируется в уголовное преступление.

Если придерживаться целостной концепции правовой природы административной преюдиции и связывать ее исключительно с личностью, его общественной опасностью, а не опасностью самого деяния, то вполне понятно, что административная преюдиция – это специальный признак субъекта преступления. Кратность совершения тождественных или аналогичных действий повышают градус общественной опасности не самого деяния (поскольку его суть остается неизменной, сколько бы раз оно не совершалось), а лица, его совершившего. Поэтому административная преюдиция – это специальный признак субъекта преступления в уголовном праве.

Следовательно, административная преюдиция сегодня связывается с предшествующим противоправным поведением физического лица. Именно поведение лица предопределяет качественный переход проступка в преступление, и при выявлении основания уголовной ответственности предлагается обращать внимание на источник причинения вреда, т. е. личность виновного. В такой ситуации каждый акт человека рассматривается как продуцирующий, как показатель общественной опасности лица, его устойчивых негативных установок.

Административная преюдиция имеет массу сходств с таким понятием, как рецидив преступления и повторность (неоднократность) преступления. Но особенность состоит в том, что административная преюдиция, как и рецидив, а также повторность, характеризуют не само деяние лица, а его общественную опасность. Именно общественную опасность личности (деятеля), а не деяния. Поэтому в данном случае правильнее было бы говорить о самом противоправном поведении человека, поскольку поведение отражает не просто «голое» деяние субъекта преступления, а органично включает в себя его объективные и субъективные элементы. Следовательно, само понятие «общественная опасность» больше применима к личности, нежели к деянию. В таком случае и административная преюдиция, и рецидив, и повторность (неоднократность) указывают именно на то, что опасно не деяние, совершаемое таким лицом (это деяние так и продолжает оставаться таковым), а сама личность.

Таким образом, административная преюдиция основана не на автоматическом сложении однородных поступков, а на оценке противоправного поведения конкретной личности. То есть в таком случае общественная опасность – это показатель не деяния, а измеритель личности, насколько его деятельность представляет угрозу для охраняемых социальных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хилюта, В. В. Уголовное право в социальном измерении (контуры перемен и новой стратегии развития) / В. В. Хилюта. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 440 с. – Текст: непосредственный.
2. Мирошниченко, Д. В. Преюдиция в уголовном праве России. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 208 с. – Текст: непосредственный.
3. Прохоров, В. С. Преступление и ответственность. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 136 с. – Текст: непосредственный.
4. Мамхягов, З. З. Административная преюдиция в уголовном праве: дис. … канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2022. – 193 с. – Текст: непосредственный.
5. Степанов, П. П. Сто кошек все еще не стали тигром: к вопросу об административной преюдиции в современном уголовном праве России / П. П. Степанов. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. – 2022. – № 6. – С. 42-57.
6. Никитин, Ю. Проблема административной и дисциплинарной преюдиции в уголовном праве / Ю. Никитин. – Текст: непосредственный // Юстиция Беларуси. – 2017. – № 3. – С. 29-35.
7. Пудовочкин, Ю. Е. Проблемы квалификации преступлений с административной преюдицией (судебная практика). – М.: Юрлитинформ, 2022. – 208 с. – Текст: непосредственный
8. Нечаев, А. Д. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы (де)криминализации деяний и их малозначительности / А. Д. Нечаев, И. Ю. Янина. – Текст: непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 6. – С. 37-42.
9. Мирошниченко, Д. В. Критика уголовно-правовой онтологии. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 400 с. – Текст: непосредственный.